

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

№ 305-ЭС23-8962

г. Москва

18.10.2023

Резолютивная часть определения объявлена 12.10.2023.

Полный текст определения изготовлен 18.10.2023.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Чучуновой Н.С.,

судей Борисовой Е.Е., Якимова А.А.,

при ведении протокола секретарем судебного заседания Кунаковым В.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании с использованием системы веб-конференции кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Держава» на решение Арбитражного суда города Москвы от 01.07.2022, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2022 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2023 по делу № А40-33927/2022.

В судебном заседании приняли участие представители:

общества с ограниченной ответственностью «Держава» – Поповцев А.В. по доверенности от 22.12.2022;

общества с ограниченной ответственностью «Каркаде» - Джараян А.С. (доверенность от 01.12.2022), Болкунов Д.П. (доверенность от 05.12.2022).

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Чучуновой Н.С. и объяснения представителей сторон, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

У С Т А Н О В И Л А:

общество с ограниченной ответственностью «Держава» (далее - общество) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), к обществу с ограниченной ответственностью «Каркаде» (далее - компания) о взыскании неосновательного обогащения в размере 1 153 109 руб. 37 коп., возникшего в результате исполнения договоров лизинга от 19.09.2019 № 11364/2019, № 11365/2019, и процентов за пользование чужими денежными средствами по день фактического исполнения обязательств.

Компания предъявила встречный иск, уточненный в порядке статьи 49 АПК РФ, к обществу и индивидуальному предпринимателю Камбуру Константину Владимировичу (далее – предприниматель) о взыскании солидарно неосновательного обогащения в размере 98 380 руб. 01 коп. по договору лизинга от 19.09.2019 № 11365/2019, неустойки по названному договору за период с 24.03.2022 по дату фактического исполнения обязательства, исходя из расчета 11 899 руб. 48 коп. в день.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 01.07.2022, оставленным без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2022 и постановлением Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2023, с компании в пользу общества взыскано неосновательное обогащение в размере 326 177 руб. 99 коп., проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 3038 руб. 37 коп., расходы по уплате государственной пошлины в размере 6939 руб. 04 коп.; в удовлетворении остальной части первоначального иска отказано. С общества и предпринимателя в пользу компании взыскано солидарно 98 380 руб. 01 коп. убытков, 95 195 руб. 84 коп. неустойки, 6807 руб. расходов по уплате государственной пошлины. Произведен взаимозачет требований, в результате которого с компании в пользу общества взысканы денежные средства в размере 135 640 руб. 51 коп. и расходы по уплате государственной пошлины в размере 6939 руб. 04 коп.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, общество, ссылаясь на нарушение судами норм материального права, просит отменить указанные судебные акты и направить дело на новое рассмотрение.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Чучуновой Н.С. от 08.09.2023 кассационная жалоба общества вместе с делом

передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В отзыве на кассационную жалобу компания просит оставить обжалуемые судебные акты без изменения.

В судебном заседании представитель общества поддержал доводы кассационной жалобы, а представители компании возражали против ее удовлетворения по доводам, изложенным в отзыве.

Предприниматель, извещенный надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, в судебное заседание не явился, представителя не направил, что в силу части 2 статьи 29110 АПК РФ не препятствует рассмотрению кассационной жалобы.

Согласно части 1 статьи 29111 АПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных актов в порядке кассационного производства в Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Изучив материалы дела, проверив в соответствии с положениями статьи 29114 АПК РФ законность обжалуемых судебных актов, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации находит, что кассационная жалоба подлежит удовлетворению, а решение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной и кассационной инстанций - отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и подтверждается материалами дела, компания (лизингодатель) и общество (лизингополучатель) 19.09.2019 заключили договоры финансовой аренды (лизинга) № 11364/2019 и № 11365/2019 (далее – договоры лизинга), в соответствии с условиями которых лизингодатель посредством заключения договора купли-продажи обязался приобрести в собственность у выбранного лизингополучателем продавца имущество, указанное в спецификации предмета лизинга, и предоставить его лизингополучателю в лизинг за плату во временное владение и пользование.

Согласно пункту 3.2 договоров лизинга лизингополучатель обязуется уплачивать лизинговые платежи в размере и в сроки, предусмотренные графиком платежей.

Пунктом 4.1 договоров лизинга предусмотрено, что договор состоит из самого договора, приложений и дополнительных соглашений к нему (если приложения и/или дополнительные соглашения имеются) и Общих условий договора лизинга (далее - Общие условия), которые являются неотъемлемой частью договора.

В целях обеспечения исполнения обществом обязательств по договору лизинга № 11365/2019 между компанией (кредитор) и предпринимателем (поручитель) заключен договор поручительства от 19.09.2019 № 11365/2019, по условиям которого предприниматель обязался отвечать солидарно за исполнение обществом всех его обязательств по договору лизинга.

По актам приема-передачи имущества компания передала обществу имущество по договорам лизинга.

В связи с ненадлежащим исполнением обществом обязанности по внесению лизинговых платежей лизингодатель направил в его адрес уведомления о расторжении договоров лизинга и изъял предметы лизинга.

Предмет лизинга по договору лизинга № 11364/2019 реализован лизингодателем в соответствии с договором купли-продажи от 14.03.2022 № 11364/2019_I-3, по договору № 11365/2019 – в соответствии с договором купли-продажи от 24.01.2022 № 11365/2019_I-3.

Общество, полагая, что после расторжения договоров лизинга положительное сальдо сложилось в его пользу и на стороне компании возникло неосновательное обогащение в размере 848 773 руб. 98 коп. по договору № 11364/2019 и в размере 304 335 руб. 39 коп. по договору № 11365/2019, обратилось в арбитражный суд с настоящим иском.

Встречный иск компании мотивирован тем, что сальдо встречных обязательств по договору № 11365/2019 складывается в пользу лизингодателя и составляет 98 380 руб. 01 коп., а по договору № 11364/2019 – в пользу лизингополучателя, но в размере 326 177 руб. 99 коп.

Суд первой инстанции, руководствуясь статьями 323, 361, 363, 395, 421, 431, 450, 450¹, 453, 614, 622 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс, ГК РФ), статьями 13, 15 Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее - Закон о лизинге) и постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами», пришел к выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения первоначального иска и обоснованности встречных требований.

При этом суд исходил из того, что в пункте 5.9 Общих условий сторонами согласован особый порядок определения сальдо встречных

предоставлений, отличающийся от общего подхода к сальдированию обязательств, закрепленного в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее – Постановление № 17).

Исходя из расчета, произведенного с применением согласованной сторонами формулы, финансовый результат сделки по договору № 11364/2019 составляет убыток для лизингополучателя в размере 326 177 руб. 99 коп., а по договору № 11365/2019 убыток для лизингодателя в размере 98 380 руб. 01 коп., поэтому с компании в пользу общества надлежит взыскать 326 177 руб. 99 коп. неосновательного обогащения и 3038 руб. 37 коп. процентов, начисленных на эту сумму неосновательного обогащения (с учетом даты реализации предмета лизинга и введенного государственными органами моратория), а в пользу компании - солидарно с общества и предпринимателя как поручителя 98 380 руб. 01 коп. убытков и 95 195 руб. 84 коп. неустойки, начисленной на основании пункта 5.11 Общих условий за период с 24.03.2022 по 31.03.2022.

Как указано судом, на момент заключения договоров лизинга со стороны лизингополучателя возражений относительно установленного в Общих правилах порядка определения сальдо встречных предоставлений, не поступало, что свидетельствует о том, что он осознавал все правовые последствия договоров, в том числе при их расторжении, исходя из расчета, произведенного с применением согласованной сторонами формулы.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы суда первой инстанции и отклонили довод общества о неверном расчете сальдо встречных обязательств.

Между тем судами не учтено следующее.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора.

Участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно при установлении гражданских прав, в том числе при заключении договора и определении его условий, и не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения, что являлось бы превышением пределов осуществления гражданских прав (злоупотребления правом). В случае несоблюдения данного запрета суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично,

а также применяет иные меры, предусмотренные законом (пункты 3 - 4 статьи 1, пункты 1 - 2 статьи 10 ГК РФ).

В частности, если условия договора определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, то применительно к пунктам 1 - 2 статьи 428 Гражданского кодекса договор не должен содержать условий, лишаящих эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключать или ограничивать ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержать другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Как указано в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной

Сторона договора в случае существенного нарушения баланса интересов сторон также вправе на основании статьи 10 ГК РФ заявить о недопустимости применения договорных условий, являющихся явно обременительными (несправедливые договорные условия), если эта сторона была поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, проект которого был предложен другой стороной, то есть оказалась слабой стороной договора (пункт 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»).

Из приведенных положений гражданского законодательства и разъяснений Пленумов вытекает, что пределы свободы договора определяются, в том числе необходимостью поддержания добрых нравов в гражданском обороте, включая взаимоотношения участников хозяйственного (экономического) оборота.

В ситуации, когда сторона договора не имеет возможности активно и беспрепятственно участвовать в согласовании условий договора на стадии его заключения (к заключению предложена стандартная форма договора; проект договора разработан лицом, профессионально осуществляющим деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний; договор заключается с лицом, занимающим доминирующее положение

на рынке или имеет место иная экономическая зависимость стороны и т.п.), суд не вправе отклонить возражения такой стороны относительно применения спорного условия договора только по той причине, что при заключении договора в отношении этого условия не были высказаны возражения.

Даже при формальном наличии права заявить возражение о включении спорного условия в договор в момент его заключения, слабая сторона зачастую не имеет финансовых и организационных возможностей оценить обременительность договорных условий на случай наступления тех или иных обстоятельств при исполнении договора, а издержки, связанные с потерей времени и финансовых ресурсов, которые должна понести эта сторона для урегулирования разногласий окажутся несоразмерными предпринятым усилиям. Использование названных обстоятельств стороной, находящейся в более сильной переговорной позиции, не соответствует принципу добросовестности.

С учетом изложенного, если спорное условие договора грубо нарушает баланс интересов сторон и его применение приводит к возникновению неблагоприятных последствий для слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора не обосновала его разумность, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 1, пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учета данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 № 305-ЭС23-12470, от 29.06.2023 № 307-ЭС23-5453, от 19.05.2022 № 305-ЭС21-28851, от 27.12.2021 № 305-ЭС21-17954 и др.).

Аналогичная правовая позиция выражена в пункте 28 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.10.2021 (далее - Обзор судебной практики), но не учтена судами.

Как следует из материалов дела, Общие условия представляют собой стандартную форму договора, к тому же разработанную компанией как лицом, профессионально осуществляющим деятельность в сфере лизинга, и применяемую ко всем контрагентам.

В таком случае предполагается (пункт 1 статьи 428 ГК РФ), что общество имело возможность лишь присоединиться к условиям договора в целом. Возможность влияния на формирование условий договора для лизингополучателя, являющегося в рассматриваемых отношениях экономически слабой стороной, была ограничена.

Иное может быть доказано лизинговой компанией, которая вправе представить доказательства, раскрывающие порядок заключения договора с конкретным контрагентом, например, преддоговорную переписку, протоколы в действительности прошедших между сторонами переговоров по условиям договора и т.п. Однако со стороны компании такие доказательства в материалы дела представлены не были.

По мнению общества, расчет сальдо встречных обязательств, закрепленный в пункте 5.9 Общих условий, является обременительным для лизингополучателя, поскольку предусматривает существенно менее выгодный для него вариант определения завершающей обязанности по договору в сравнении с общим подходом, отраженным в пунктах 3 - 4 Постановления № 17, и позволяющим исключить неосновательное обогащение одной из сторон договора за счет другой стороны.

Так, в соответствии с пунктом 5.9 Общих условий расчет сальдо встречных предоставлений определяется по следующей формуле:

Сальдо = $(\Phi + \text{ПФ} + \text{У} + \text{Пр}) - (\text{Ппол} - \text{А} + \text{СР})$, где:

ПФ (плата за финансирование) = $(\text{Побщ} - \text{А} - \Phi) / (\Phi \times \text{Сдн}) \times \Phi \times \text{СФ}$;

Φ - размер предоставленного финансирования;

А - первый лизинговый платеж по графику платежей по договору лизинга;

Сдн - срок договора лизинга в днях;

СФ - срок финансирования в днях;

У - убытки лизингодателя;

Пр - иные санкции, представляющие собой общую сумму непогашенной задолженности лизингополучателя, включая задолженность по лизинговым платежам, пени за просрочку уплаты лизинговых платежей в соответствии с пунктом 2.3.4 Общих условий, проценты за пользование чужими денежными средствами за период с даты расторжения договора лизинга по дату реализации предмета лизинга, а также расходы на ведение дела вследствие расторжения договора лизинга в размере, установленном в пункте 5.8 Общих условий;

Ппол - полученные от лизингополучателя лизинговые платежи в соответствии с графиком платежей по договору лизинга;

СР - стоимость возвращенного предмета лизинга;

Побщ - сумма всех лизинговых платежей (в том числе авансового платежа);

Срок договора лизинга в днях $(\text{С/дн}) = \text{«Дата окончания договора лизинга»} - \text{«Дата начала договора лизинга»}$.

Из расчетов, произведенных компанией по формуле, закрепленной в пункте 5.9 Общих условий, и принятых судами, следует, что по договору

от 19.09.2019 №11364/2019 помимо возврата финансирования (Ф) в размере 4 108 128 руб. 88 коп. и платы за пользование финансированием (ПФ) в размере 1 558 225 руб. 63 коп. лизинговой компании причитаются санкции (Пр) в размере 527 445 руб. 75 коп. и расходы на хранение предмет лизинга в размере 14 400 руб., в то время как общая величина перечисленных обществом платежей (без учета авансового) составила 3 271 837 руб. 25 коп. и выручка от продажи предмета лизинга – 3 262 541 руб. В результате сальдо встречных предоставлений в размере 326 177 руб. 99 коп. сложилось в пользу общества.

По договору от 19.09.2019 №11365/2019 помимо возврата финансирования (Ф) в размере 1 960 791 руб. и платы за пользование финансированием (ПФ) в размере 683 536 руб. 79 коп. лизинговой компании причитаются санкции (Пр) в размере 243 676 руб. 17 коп., в то время как общая величина перечисленных обществом платежей (без учета авансового) составила 1 538 543 руб. 96 коп. и выручка от продажи предмета лизинга – 1 261 000 руб. В результате сальдо встречных предоставлений сложилось в пользу компании в размере 98 380 руб. 01 коп.

Однако в состав лизинговых платежей (пункт 1 статьи 28 Закона о лизинге) входит возврат финансирования и выплата причитающегося лизингодателю дохода. Посредством уплаты лизинговых платежей лизингополучатель возвращает лизингодателю предоставленное финансирование (возмещает закупочную стоимость предмета лизинга и иные связанные с его приобретением расходы) и вносит плату за финансирование (проценты), даже если в конкретном договоре названные составляющие лизинговых платежей не выделены отдельно.

Таким образом, компания, опираясь на пункт 5.9 Общих условий, по сути потребовала от лизингополучателя внесения одного и того же предоставления дважды: возврата финансирования (Ф) и внесения платы за пользование финансированием (ПФ), начисленных до дня возврата финансирования (с даты начала договора лизинга до даты реализации предмета лизинга), а также задолженности по лизинговым платежам (Пр), в объем которой уже частично вошел как возврат финансирования, так и плата за пользование им за соответствующие периоды.

Лизингодатель является профессиональным участником гражданского оборота, непрерывно распоряжается денежными средствами и предоставляет их на возмездной основе иным лицам. Следовательно, продолжая взыскивать с лизингополучателя возврат финансирования и плату за финансирование (включая в расчет сальдо задолженность по лизинговым платежам), компания получает возможность извлечь двойную выгоду: получить доход

от размещения одних и тех же средств как за счет лизингополучателя по расторгнутому договору, так и за счет контрагентов по новым договорам лизинга.

Принимая во внимание изложенное, предусмотренный пунктом 5.9 Общих условий принцип определения завершающей договорной обязанности (в части включения в параметр «Пр» задолженности по лизинговым платежам) имеет характер несправедливого договорного условия, создающего искусственные основания для занижения величины встречного предоставления лизингополучателя, в связи с чем заслуживают внимания доводы общества о недопустимости применения спорного положения договора при рассмотрении дела.

При этом Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации полагает невозможной квалификацию условий пункта 5.9 Общих условий (в части включения в расчет сальдо задолженности по лизинговым платежам) в качестве скрытого соглашения о неустойке.

С учетом презумпции добросовестности, по общему правилу условие договора, допускающее несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу.

В то же время при неясности условий договора, проект которого был разработан лицом, профессионально осуществляющим деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.), и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом, толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия, то есть в пользу слабой стороны договора (пункты 44 - 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

Таким образом, профессиональные участники оборота должны стремиться к тому, чтобы несправедливые договорные условия, обременяющие контрагентов, изначально не включались в разработанные ими проекты договоров, в том числе стандартные формы договоров, и, не выполнив указанную обязанность - несут риск того, что такого рода условия не будут применяться судом.

Нельзя согласиться также с выводами судов о допустимости применения по настоящему делу положений, содержащихся в пункте 2.3.4 Общих условий, на основании которых в состав показателя «Пр», входящего в формулу сальдо встречных предоставлений, включаются пени за просрочку уплаты лизинговых платежей.

Согласно пункту 2.3.4 Общих условий в случае возникновения просроченной задолженности лизингополучатель обязан уплатить лизингодателю пени в размере 0,45% от просроченной суммы платежа за каждый день просрочки.

Лизингодатель на основании указанных пунктов Общих условий произвел расчет пеней по ставке 0,45% в день за период с момента возникновения просроченных платежей до даты расторжения договора и включил их в расчет сальдо встречных предоставлений в составе иных санкций (Пр) по договору № 11364/2019 в размере 56 472 руб. 61 коп., по договору № 11365/2019 в размере 24 497 руб. 70 коп.

Возражая относительно включения в расчет сальдо встречных предоставлений неустойки, начисленной в указанных суммах, общество ссылалось на чрезмерный размер ставки неустойки (0,45% в день равносильно 164,25% годовых) и необходимость ее снижения, а также обращало внимание на то, что расчет неустойки произведен компанией с нарушением императивных правил статьи 319 ГК РФ.

Указанные доводы общества судами во внимание не приняты, в снижении неустойки судами отказано без указания мотивов.

Вместе с тем по смыслу пункта 1 статьи 330 Гражданского кодекса обязанность по уплате неустойки связана с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, то есть неустойка выступает мерой ответственности (санкцией) за нарушение гражданско-правового обязательства.

Как указано в пункте 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», при оценке соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а также то, что неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования.

Если иное не вытекает из представленных доказательств, в качестве минимальной величины имущественных потерь кредитора, не требующей доказывания, принимается двукратный размер ключевой ставки Банка России,

поскольку предполагается, что такую выгоду из неисполнения обязательства во всяком случае мог извлечь должник и возможности ее извлечения оказался лишен кредитор (пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Оценивая обременительность и чрезмерный характер неустойки, суд также принимает во внимание, каким образом было достигнуто соглашение о ее уплате между сторонами договора, в частности, если условия договора, определяющие правила начисления и (или) размер неустойки были навязаны экономически сильной стороной, для контрагента которой согласование иных условий являлось затруднительным (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 307-ЭС23-5453, от 22.11.2022 № 305-ЭС22-10240 и др.).

В данном случае, как обоснованно указывается обществом, предусмотренная Общими условиями ставка неустойки (164,25% годовых) десятикратно превышает ключевую ставку, установленную Банком России на протяжении всего периода действия договора, тогда как именно ключевая ставка ЦБ РФ призвана определять минимальный уровень потерь кредитора (упущенную выгоду) при нарушении обязательств со стороны должника.

При этом лизингодателем в материалы дела не представлены доказательства, подтверждающие, что понесенные им убытки вследствие ненадлежащего исполнения договора лизингополучателем (просрочки в уплате лизинговых платежей), могли повлечь существенные негативные последствия.

Из материалов дела также не вытекает, что применение к обществу неустойки по ставке 164,25% годовых может быть объяснено поведением контрагента, например, частотой возникновения просрочки в уплате лизинговых платежей.

Вопреки выводам судов, то обстоятельство, что неустойка в упомянутом размере установлена пунктом 2.3.4 Общих условий, то есть была согласована лизингополучателем, само по себе не могло выступать основанием для отказа в ее снижении, поскольку данное условие договора установлено лизингодателем в разработанной им стандартной форме договора и, следовательно, в случае его обременительности, удовлетворение просьбы слабой стороны (ответчика) о снижении неустойки становится обязанностью суда.

Кроме того, без внимания судов оставлено то, что в соответствии с пунктом 2.3.4 Общих условий в случае возникновения просроченной задолженности стороны устанавливают следующую очередность зачисления платежей (независимо от назначения платежа, указанного в платежном

документе): пени, просроченные штрафы, текущие штрафы, комиссии, просроченные платежи, текущие платежи; по однородным платежам их очередность определяется согласно графику платежей в хронологическом порядке.

По сути в пункте 2.3.4 Общих условий сформулировано правило, согласно которому при возникновении просрочки в уплате лизинговых платежей начисленная компанией неустойка (пени, просроченные штрафы, текущие штрафы) учитывается вперед погашения основного долга. Для должника (лизингополучателя) это означает, что он фактически лишается возможности погасить долг в полном объеме, пока не уплатит неустойку, что влечет за собой нарастание, прежде всего, величины самой неустойки за счет сохранения просроченного долга.

Вместе с тем статьей 319 Гражданского кодекса установлена следующая очередность погашения требований по денежному обязательству: сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, при отсутствии иного соглашения погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения, затем - проценты, а в оставшейся части - основную сумму долга.

По смыслу приведенной нормы под упомянутыми в ней процентами понимаются проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, статьи 3171, 809, 823 ГК РФ).

Проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, например проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ, а равно начисляемые на сумму задолженности неустойки, к указанным в статье 319 ГК РФ процентам не относятся и погашаются после суммы основного долга.

В связи с этим положения статьи 319 ГК РФ, устанавливающие очередность погашения требований по денежному обязательству, могут быть изменены соглашением сторон. Однако соглашением сторон может быть изменен порядок погашения только тех требований, которые названы в данной норме (пункт 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

Таким образом, условие договора о преимущественном удовлетворении требований лизингодателя по неустойке перед погашением основного долга является ничтожным, о чем прямо указано в пункте 27 Обзора судебной практики, а положения пункта 2.3.4 Общих условий в части, устанавливающей

не отвечающую статье 319 ГК РФ очередность зачисления платежей, не подлежали применению при рассмотрении настоящего дела.

Как утверждает общество, лизингодателем неоднократно начислялись пени на основании пункта 2.3.4 Основных условий, которые зачитывались ранее требований по исполнению основных обязательств по договору, что противоречит положениям статьи 319 ГК РФ, однако судами указанные доводы общества оставлены без надлежащей проверки.

При рассмотрении дела судом в соответствии с частью 3 статьи 9, частью 2 статьи 65 АПК РФ следовало предложить компании представить исправленный расчет неустойки, сделанный с соблюдением статьи 319 ГК РФ, и при неисполнении данного требования компанией - суд был вправе разрешить спор без учета требований о неустойке, как не доказанного по размеру. Вместо этого суд положил в основу решения не отвечающий требованиям закона расчет, применив его против интересов экономически слабой стороны договора, что недопустимо.

Без внимания судов осталось также то, что в состав показателя «Пр», используемого для расчета сальдо, согласно пункту 5.8 Общих условий включаются расходы на ведение дела вследствие расторжения договора лизинга, определяемые в размере 1% от расходов по закупке предмета лизинга, но не более 100 000 руб. Размер таких расходов считается заранее согласованным и оспариванию не подлежит.

В силу принципа свободы договора (пункт 1 статьи 1, пункт 1 статьи 421 ГК РФ) и с учетом объективной сложности доказывания убытков участники экономического оборота вправе использовать различные механизмы, в том числе договориться об особенностях привлечения к гражданско-правовой ответственности, например, заранее оценить убытки на случай вероятного нарушения того или иного обязательства одной из сторон, установив своим соглашением способ определения размера убытков (статья 15 ГК РФ) или согласовать денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, установив неустойку (пункт 1 статьи 330 ГК РФ).

Однако такое соглашение, как и любой гражданско-правовой договор, должно соответствовать основным началам гражданского законодательства, отдельным императивным нормам и существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств, не допускающих, в частности, значимого превышения заранее согласованной суммы возмещения над возможной (предвидимой для должника) величиной имущественных потерь кредитора.

Заключение соглашения, посвященного оценке размера убытков, если оно не сводится к установлению неустойки, не исключает

при последующем возникновении спора о взыскании убытков необходимости исследования судом вопроса о реальном размере убытков, определяемом в соответствии с пунктом 5 статьи 393 ГК РФ.

Если величина заранее согласованных потерь (убытков) установлена в договоре в твердой сумме и должником (лизингополучателем) приводятся убедительные доводы, свидетельствующие о несоответствии этой суммы реальной величине потерь, которые могли возникнуть у кредитора (лизингодателя), на последнего переходит бремя обоснования принципов, положенных в основу оценки потерь, а также раскрытия данных, на основании которых в договоре была установлена твердая величина компенсации в соответствующем размере.

Уклонение кредитора (лизинговой компании) от раскрытия указанных доказательств в силу пункта 2 статьи 10, пункта 3 статьи 307 Гражданского кодекса лишает его права ссылаться на заранее оцененную величину потерь (убытков), как она указана в договоре, и в этом случае доказывание размера потерь производится на общих основаниях (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2023 № 307-ЭС23-4085, от 13.04.2023 № 307-ЭС22-18849).

В данном случае в пункте 5.8 Общих условий заранее согласован упрощенный способ определения размера убытков, которые, как предполагается, возникают у лизингодателя в связи необходимостью судебного разрешения спора с лизингополучателем.

Действительно, увеличение числа судебных споров, в которых вынужден участвовать кредитор (лизингодатель), вероятно может повлечь необходимость нести дополнительные расходы, связанные с увеличением штата собственных юристов или привлечением внешних представителей.

Однако величина расходов на ведение дела в суде, на первый взгляд, не имеет прямой связи с размером финансирования, предоставленного лизингополучателю. То есть имеется видимое противоречие между характером убытков и закрепленным в пункте 5.8 Общих условий способом определения их размера.

В ходе рассмотрения дела компания не представила пояснения относительно разумности спорного договорного условия, как и доказательства, подтверждающие ориентировочный размер потерь, которые могут возникнуть у нее в связи с проведением судебной работы.

Вместе с тем включение в договор положений, приводящих к уменьшению предоставления лизингополучателя за сам факт его обращения за судебной защитой, и в действительности не направленных на компенсацию имущественных потерь лизингодателя, не может быть признано допустимым.

Таким образом, выводы судов о правомерности включения в состав требований компании (показатель «Пр» из формулы, установленной 5.9 Общих условий) 527 445 руб. 75 коп. по договору №11364/2019 и 243 676 руб. 17 коп. по договору №11365/2019 не могут быть признаны правомерными, поскольку они сделаны без учета положений Гражданского кодекса, устанавливающих пределы свободы договора.

Исходя из расчета сальдо встречных предоставлений, произведенного обществом в соответствии с подходом, заложенным в пунктах 3 - 4 Постановления № 17 и без применения пунктов 2.3.4, 5.8 и 5.9 Общих условий, завершающая договорная обязанность по указанным договорам в общем размере 998 678 руб. 76 коп. складывается в пользу лизингополучателя, а не компании.

Истцом по первоначальному иску приведены убедительные доводы относительно того, что Общие условия закрепляют порядок определения сальдо встречных предоставлений по договорам лизинга, который несправедливо обременяет лизингополучателя и названный порядок не был бы принят обществом исходя из его разумно понимаемых интересов при наличии у него возможности участвовать в определении условий договора (пункты 1 -2 статьи 428 ГК РФ), однако указанные доводы не получили оценки со стороны судов, что повлияло на исход дела.

Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации считает, что обжалуемые судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене на основании части 1 статьи 29111 АПК РФ, как принятые с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, а дело - направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела судам следует учесть изложенное, дать оценку допустимости применения пунктов 2.3.4, 5.8, 5.9 и 5.11 Общих условий с учетом предписаний пунктов 3 - 4 статьи 1, пунктов 1 - 2 статьи 10, пунктов 1 - 2 статьи 428 и пункта 1 статьи 422 Гражданского кодекса, а также разъяснений, приведенных в пункте 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», предложить сторонам представить отвечающий закону расчет сальдо встречных предоставлений, правильно разрешить спор.

Руководствуясь статьями 291¹¹ - 291¹⁵ АПК РФ, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

решение Арбитражного суда города Москвы от 01.07.2022, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2022 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2023 по делу № А40-33927/2022 отменить.

Дело направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Настоящее определение вступает в законную силу со дня его вынесения и может быть обжаловано в порядке надзора в Верховный Суд Российской Федерации в трехмесячный срок.

Председательствующий-судья

Н.С. Чучунова

судья

Е.Е. Борисова

судья

А.А. Якимов